

Ирина Волчок

Ирина Волчок

Домработница
царя
Давида

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление — Ольга Жукова

Волчок, Ирина.
В67 Домработница царя Давида: [роман] /Ирина Волчок. —
Москва, Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Главный приз.
Романы о любви.)

ISBN 978-5-17-165213-5

Аню наняли домработницей к старому инвалиду... По крайней мере, так сказала родственница этого инвалида, принимающая её на работу. И Аня была готова ко всему — к тяжёлой работе, к капризам и придиркам, к непониманию и даже скандалам. Работа была с «проживанием», а за это она была готова терпеть даже самодурство хозяина, тем более что об этом самодурстве её честно предупредили.

Аня не была готова только к тому, что с этого момента жизнь её изменится. И жизнь её родных, и друзей изменится. Есть такие люди, которые хотят и умеют менять мир к лучшему. Если и не весь мир, то хотя бы ту его часть, на которую способны повлиять...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165213-5

©И. Волчок, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Дом был за чугунной оградой. И ворота были закрыты. Аня постояла перед воротами, поразглядывала сложный кованый узор, потом уцепилась за чугунный завиток — никакой ручки у ворот не было, — подёргала, потолкала... Нет, закрыты. Ну вот, мы так не договаривались... И как она попадёт в дом? Хозяйка ни о чём таком её не предупреждала. Или, может быть, это совсем не тот дом? Может быть, Аня сама всё перепутала, неправильно записала адрес или записала-то правильно, но пришла совсем не по тому адресу, который записала, или не в то время, когда её должны были ждать, может быть, даже и не в тот день?... Куда она положила бумажку, на которой записала и день, и час, и адрес? Она помнила, что специально придумывала, куда надо положить эту проклятую бумажку, чтобы и не потерялась случайно, и не выбросилась по рассеянности, и всегда была под рукой. Она совершенно точно помнила, что придумала такое место, очень простое, очень удобное и очень надёжное, положила туда бумажку и осталась очень довольна. И забыла, куда положила. Наверное, Вадик всё-таки прав насчёт нарушения мозгового кровоснабжения. Ей давно следовало обратиться к врачу, а не обижаться на справедливую критику. Тем более что, как неоднократно подчёркивал тот же Вадик, он критиковал не её, а её мозговое кровоснабжение. Вадик когда-то серьёзно интересовался мозговым кровоснабжением. Предполагалось, что о мозговом кровоснабжении он знает всё. Предполагалось, что его собственное мозговое кровоснаб-

жение безупречно. В нём всё было безупречным. Если вдруг кто-то упрекал — сразу становилось ясно, что у них, упрекающих, нарушено мозговое кровоснабжение. Примерно так же, как у Ани. Всё-таки как хорошо, что его нет рядом сейчас, когда она лихорадочно роется в сумке в поисках спрятанной чёрт знает куда бумажки, убедительно подтверждая его диагноз насчёт её раз и навсегда нарушенного мозгового кровоснабжения. Вот бы комментарий было...

Аня вдруг вспомнила, что его действительно нет сейчас рядом. И сразу успокоилась. И даже развеселилась. И даже потихоньку хихикнула, представив, как разочаровался бы Вадик, если бы узнал, какого шанса покомментировать его лишили так бессердечно. Нет, он говорит — «жестокосердно». Когда-то он всерьёз интересовался русским языком. Предполагалось, что русский язык он знает безупречно.

Вот она, бумажка, в паспорт заложена. Ну, конечно, где ж ей ещё быть. У Ани в сумке только ключи, носовой платок, две десятирублёвки и паспорт. Десятирублёвки тоже в паспорт заложены. У неё не было кошелька, и все ценные вещи она хранила в паспорте — двадцать рублей и записку с адресом. Правда, ещё не известно, действительно ли эта записка окажется такой ценной, как она надеется...

Так, адрес тот же: улица Посадская, дом 6, квартира 7. И время то же: 31 июля, 14.00. Она ничего не перепутала, не забыла и не опоздала. Даже раньше пришла, почти на пятнадцать минут. Ну и хорошо. Значит, у неё есть время как следует осмотреться, уточнить обстановку и сориентироваться на местности. Наверняка в этой чугунной ограде есть ещё какие-нибудь ворота. Или калиточка какая-нибудь. Служебный вход. Запасной выход. Запасной выход бывает всегда — на случай пожара, наводнения, землетрясения, цунами, тайфуна, песчаной бури и всяких других стихийных бедствий. Надо просто обойти эту чугунную ограду по периметру — и запасной выход обязательно найдётся. Или служебный вход.

Нет, похоже, жильцы этого дома не боятся никаких стихийных бедствий — запасного выхода не обнаруживалось. Чугун-

ная ограда за поворотом кончилась, началась кирпичная стена. Тоже без всяких признаков запасного выхода. И входа тоже. В стене не было ни дверей, ни окон, ни бойниц, чтобы отстреливаться от неприятеля, ни вентиляционных отверстий в высоком цоколе, чтобы кошкам было удобно гулять самим по себе. Или чтобы картошка в подвале не испортилась.

Аня вернулась немножко назад, к тому месту, где в кирпичную стену вросла чугунная ограда, и заглянула между прутьями во двор. Двор был весь выложен гладенькими розовато-бежевыми плиточками, а из плиточек под лоджиями первого этажа вырастали розовато-бежевые каменные вазы. Вазы были огромные, метра по два в диаметре, а цветочки в них торчали какие-то несерьёзные. Негламурные какие-то. В чёрной, жирной, доверху заполнившей вазы земле — редкие стебельки почти без листьев, а цветы вообще странные: плоские кружочки с намёком на лепестки по краям. Некоторые кружочки были в середине красные, а по краям белые, некоторые — в середине белые, а по краям красные. Некрасиво. В живой природе таких цветов не бывает. Такие цветы делают из бумаги флористы-надомники. Скорее всего — из общества слепых. Когда она будет жить в этом доме, то обойдёт всех жильцов и спросит, согласны ли они на то, чтобы она посадила в каменных вазах нормальные цветы. Да, но если она не найдёт вход, то никогда не будет жить в этом доме...

Аня попыталась сунуть голову между прутьями ограды и разглядеть, что там дальше за кирпичной стеной. Прутья были частые, голова не просовывалась, и удалось разглядеть только то, что кирпичная стена — это вовсе не стена, а длинное здание. Наверное, с окнами и дверями, которые выходят во двор. Перед зданием розовато-бежевых плиточек не было, а была асфальтированная площадка. Подсобное помещение, что ли? Какая-нибудь котельная? Или электрическая... как это называется? На железных дверях таких электрических зданий ещё рисуют череп с костями и чёрную молнию с широкой тупой стрелой вниз и почему-то раздвоенным хвостом. Только раньше она никогда не видела таких длинных электрических зданий.

Аня вздохнула и пошла вдоль этого длинного здания, потому что всё-таки надо было найти какой-нибудь запасной выход. Или служебный вход. Или дыру в заборе. Она ещё ни разу в жизни не видела ни одного забора, в котором не было бы ни одной дыры.

В этом заборе никаких дыр не было. Кирпичная стена электрического здания кончилась, началась чугунная ограда. Без всяких калиточек. Аня всё шла вдоль неё, уже без особого интереса посматривая между прутьями во двор. Двор как двор. Розовато-бежевые блестящие плиточки. Каменные вазы с как неживыми некрасивыми цветами. Ни одного человека, ни одной собаки, ни одной кошки. Даже ни одной птицы не было. Голуби — они же весь город заполонили! Здесь даже голубей не было.

Кажется, ей не хочется здесь жить. Наверное, никому не хочется, вот никто здесь и не живёт. И цветы как неживые.

Аня чуть не повернула назад, потому что мысль о пустом доме за закрытыми воротами её испугала. Вадик говорил, что у неё тревожно-мнительный характер и неустойчивая психика. Вадик когда-то всерьёз интересовался психиатрией. Предполагалось, что об Анином характере и об Аниной психике он знает всё.

Аня представила, что бы он сейчас сказал, поэтому возвращаться назад не стала и пошла вдоль ограды дальше.

Ну и правильно сделала. Ограда опять повернула, и за ней стали постепенно появляться зелёные насаждения. Сначала — какие-то чахлые кустики, и так-то слабенькие и реденькие, так ещё и обстриженные почти наголо. Почти до стволов. Хотя и стволами-то эти прутики называть смешно. У этих зелёных насаждений практически не было ничего зелёного. Так, по два-три мелких листика на макушке. Руки бы оторвать тому парикмахеру, который может так издеваться над беззащитными растениями. Когда она будет жить в этом доме, она во дворе вдоль всей ограды посадит сирень, жасмин, шиповник... Яблони тоже посадит. Несколько сортов. И вишни тоже. А вот это безобразие выдернет с корнем. Разве можно рядом с человеческим жильём сажать хмель? Нельзя. От него болит голова и пор-

тится настроение. А для детей это вообще опасно. Если, конечно, в этом доме когда-нибудь будут жить дети. О, наверное, кто-то думает, что будут! Вон какая прекрасная детская площадка с этой стороны дома! Замечательная, чудесная площадка — и качели, и турники, и горки, и шведские стенки, и три песочницы под яркими новыми грибами-мухоморами... И избушка на курьих ножках, тоже яркая, новенькая, вон, даже брёвнышки на спиле ещё не потемнели... И несколько деревянных скамеек на густой траве под двумя большими развесистыми деревьями... Есть, есть тут настоящие зелёные насаждения, и не какие попало, а хороший взрослый каштан и хорошая взрослая белая акация! А ведь она думала, что во всём городе была только одна белая акация, на берегу, в Старом парке, два года назад её зачем-то спилили. Аня тогда даже заплакала — потихоньку, чтобы Вадик не заметил. Потому что если в семье кто-то даёт волю эмоциям — это крайне негативно сказывается на других членах семьи. Вадик когда-то серьёзно интересовался взаимоотношениями в семье. Предполагалось, что во внутрисемейных взаимоотношениях он специалист.

— Анята, ты куда?! — закричал сердитый женский голос там, во дворе. — Что это за привычка — лезть куда попало! Не трогай ничего руками!

— Да я и не трогаю, — на всякий случай пробормотала себе под нос Аня, выпустила из рук лист какого-то вьющегося растения — в этом месте ограда уже не хмелем заросла, чем-то другим, — и отступила на шаг назад. — Никуда я не лезу. Я ворота ищу.

— Да что ж это такое! Сейчас отшлёпаю!

Тень под белой акацией шевельнулась, с травы торопливо поднялась девушка в зелёном: брюки, футболка, смешной картуз а-ля разночинец — всё зелёное, как трава, вот почему Аня её сразу не заметила, — бросила на землю растрёпанную книжку и зашагала к ограде с самым решительным и даже грозным видом, на ходу приговаривая:

— Честное слово — отшлёпаю! Вот увидишь — отшлёпаю! Мне твоя мама разрешила!

Аня обиделась. Зелёная девушка беззастенчиво врала. Мама никогда никому не разрешила бы отшлёпать родную дочь. Во-первых, это непедагогично. А во-вторых, Анина мама не привыкла передоверять чужим людям свои права и обязанности.

Зелёная девушка дошла до ограды, за которой стояла Аня, наклонилась, пошарила в зарослях не знакомых Ане вьющихся растений и выпрямилась уже с ребёнком в руках. Ребёнок был только в трусиках-памперсах, в панамке и в вязаных пинетках. Совсем мелкий ребенок, года полтора, наверное.

— Неть, — весело сказал ребёнок и похлопал себя руками по защищённой памперсами попке. — Неть. Никак!

И засмеялся.

И зелёная девушка засмеялась, тоже слегка хлопнула ребёнка по попке, вздохнула и сказала:

— Да, не получится. Никак. Такая вредная штука, я всегда это говорила... Пора тебе отвыкать от подгузников, Анята. Если ты опять будешь лезть куда попало и совать в рот всякую дрянь, я прямо сегодня поставлю вопрос о памперсах перед твоей матерью. Ребром.

— Неть! — крикнула Анята и полезла слюнявить лицо зелёной девушки.

— Опять! — возмутилась зелёная девушка, пытаясь отвернуться. — Подлиза хитрая!.. Опять что попало в рот тащишь!.. Я грязная!.. Сколько раз говорить: нельзя!.. Ай! Не кусайся! Ты кто — приличный ребёнок или вурдалак?!

Аня хихикнула. Потихоньку. Но зелёная девушка услышала, замолчала, шарахнулась от ограды, закрывая собой ребёнка, а потом уже оглянулась. Увидела в просветах между листьями вьющихся зарослей Аню, заметно успокоилась, но спросила всё-таки настороженно, даже строго:

— Вы кто? Вы почему за нами следите? Вы что тут делаете?

— Я не слежу, — ответила Аня, несколько не испугавшись строгого тона зелёной девушки. — Я просто ворота ищу. Я сюда по делу пришла. А вы вдруг крикнули: «Анята», — вот я и оглянулась. Меня Аней зовут.

— Здорово, — обрадовалась зелёная девушка. — Сейчас, сейчас... Сейчас придумаю...

Она стояла всё так же, спиной к Ане, закрывая ребёнка собой, не поворачиваясь, оглядывалась через плечо, но уже было заметно, что ничего не боится, и вообще вряд ли об Ане думает, потому что напряжённо думает о чём-то другом. И даже не так думает, как мечтает.

— Всё, загадала, — сказала зелёная девушка, выныривая из своих мечтаний. — Знаешь, да? Надо между тёзками встать — и тогда можно желание загадывать... Ворота с той стороны. Иди скорее, я навстречу пойду. Меня тоже Анной зовут. Если хочешь — тоже желание загадаешь. Встанешь между мной и этой вурдалакшей — и загадаешь. Хочешь? Скорее иди, а то нам домой пора, в два обед, а уже без семи... Ну, побежали?

Зелёная Анна с маленькой Анютой в охапке действительно почти побежала к воротам, огибая дом, и Аня почти побежала вдоль чугунной ограды, потом — вдоль кирпичной стены электрического здания, потом — опять вдоль чугунной ограды — и прямо к открытым воротам. Не очень открытым, а так, чуть-чуть, но щёлочка была вполне достаточной для того, чтобы она пролезла. Она бы и пролезла, если бы щёлочку не загораживал широкий парень в чёрных штанах, белой рубахе и чёрном галстуке. Вид у парня был почти офисный, если не считать мелочей: брючный ремень был коричневый, а рубаха — с короткими рукавами. Почти офисный парень жадно курил, коротко и торопливо затягиваясь. Увидел Аню, щелчком отправил окурочек чуть ли не на середину улицы, отступил во двор и задвинул ворота. Прямо перед Аниным носом.

— Ой, — растерялась Аня. — Как же так?.. А я как раз войти хотела.

— Зачем? — подозрительно спросил почти офисный парень. И смотрел он на неё очень подозрительно.

— Меня ждут, — неуверенно объяснила Аня. От всяких подозрений она всегда начинала чувствовать себя очень неуверенно. — В седьмой квартире. Мы договорились. Хозяйка сказала, чтобы я к двум пришла.

— Так звонить надо, — равнодушно сказал почти офисный парень, повернулся и пошёл к подъезду.

— Как звонить? — жалобно крикнула Аня ему в спину.

— Как все, — буркнул почти офисный парень, не оборачиваясь. — В звонок.

Интересно, и где же тот звонок, в который она должна звонить, как все? И все — они тоже вот так же этот звонок ищут?

Через двор от угла дома к воротам мелко семенила зелёная Анна, крепко прижимая к себе маленькую Анюту. Ещё за несколько шагов нетерпеливо закричала:

— Входи скорей! А то нам уже на обед пора!

— Я не знаю, как звонить, — призналась Аня. — Никакого звонка не вижу...

— Да вот он... — Зелёная Анна подсемила вплотную к воротам, перехватила Анюту одной рукой, а другую просунула между чугунными прутьями и нажала на выпуклую середину одного из чугунных цветков. — Первый раз, да? Теперь отвечай на вопросы.

Аня хотела спросить, на какие вопросы ей надо отвечать, но тут чугунный цветок прямо перед её носом задал первый вопрос:

— В какую квартиру?

— В седьмую, — ответила она.

И вопросительно посмотрела на зелёную Анну. Та одобрительно кивнула.

— По какому делу? — задал второй вопрос чугунный цветок.

— Собеседование по поводу работы.

Аня опять посмотрела на зелёную Анну. Та опять кивнула.

— Фамилия, имя, отчество? — задал третий вопрос чугунный цветок.

— Я только имя хозяйки знаю... Мы по телефону говорили, она сказала, чтобы я называла её Маргаритой...

Чугунный цветок тяжело вздохнул. Зелёная Анна округлила глаза, поджала губы и потыкала в сторону Ани указательным пальцем. Маленькая Анюта извернулась у неё в руках и тоже показала на Аню пальцем. Аня спохватилась и торопливо добавила:

— А мои фамилия—имя—отчество Анна Сергеевна Бойко... То есть наоборот, Бойко Анна Сергеевна...

Чугунный цветок пошуршал, опять тяжело вздохнул и неохотно разрешил:

— Можете войти.

В воротах что-то щелкнуло, но открываться они даже и не подумали.

— В сторону толкай, — нетерпеливо подсказала зелёная Анна. — Он просто замок открыл, а ворота отводит только тогда, когда машины... Ты же не машина, правда? Сама ручками можешь... Вправо толкай, они легко идут. Скорей, скорей, без трёх минут два... Желание не успеешь загадать.

Аня нерешительно толкнула ворота, которые неожиданно легко отъехали почти на метр, вошла во двор и оглянулась на странные звуки. За её спиной ворота с тихим жужжанием ехали на привычное место. Закрылись, щёлкнули и застыли. Ане стало неуютно. И даже страшно. Это нелепо.

— А отсюда они как открываются? — скрывая этот нелепый страх, спросила она у зелёной Анны.

— Да так же, с поста, — равнодушно сказала та, поставила маленькую Анюту на ноги и отступила от неё на шаг. — Вставай между нами. Скорее. Загадывай желание. Ну, чего торМОЗИшь? Сейчас эта молекула куда-нибудь потопает, лови её потом... Вставай сюда, пока я её держу. Вот так. Теперь загадывай. Только быстро. А то уже два почти.

Аня шагнула в просвет между зелёной Анной и маленькой Анютой — и тут сообразила, что не успела придумать никакого желания. И времени придумывать уже нет. Наверное, зелёная Анна по её лицу поняла, что у Ани опять возникли проблемы с мозговым кровоснабжением, потому что пихнула её локтем в бок и нетерпеливо подсказала:

— Чего ты больше всего хочешь? Думай быстро! Ты вообще знаешь, чего хочешь больше всего?!

— А, это знаю! — Аня с облегчением перевела дух. — Больше всего я хочу, чтобы мама...

— Ой-й-й, молчи! — перебила зелёная Анна. — Вслух нельзя! А то не сбудется... Всё, пойдём скорее. Полторы минуты осталось. Осторожней на этих плитках. Скользкие. Что зимой будет?..

Она опять подхватила маленькую Анюту на руки и засеменила к подъезду. Аня заторопилась за ней — сначала тоже засеменила, а потом пошла нормально, потому что её тапочки были на резиновой подошве и нисколько не скользили. И в просторном холле на первом этаже не скользили, хоть пол здесь был вообще как зеркало и даже блестел почти так же. Зелёная Анна скользила по этому полу, вообще не отрывая подошв. Как будто на лыжах шла. А Аня — ничего, нормально шла, как всегда. Немножко быстрее, чем всегда, потому что не хотела отстать от своей новой знакомой — надеясь, что та ей покажет, где тут седьмая квартира.

— Документы, — сказал откуда-то сбоку почти офисный парень.

Аня остановилась и оглянулась. Почти офисный парень стоял за длинной деревянной стойкой, опираясь на неё кулаками, и хмуро смотрел вслед зелёной Анне с маленькой Анютой на руках.

— Мои? — на всякий случай спросила Аня.

Всё-таки почти офисный парень не на неё смотрел.

— А вы что, с чужими документами ходите? — совсем уже хмуро поинтересовался почти офисный парень.

— Почему с чужими? Со своими... — испугалась Аня. — Вот, у меня паспорт есть...

Она торопливо полезла в сумку, но тут зелёная Анна, не оборачиваясь, раздражённо крикнула:

— Олежек, отстань! Ты же видел, что мы знакомы! Мы уже опаздываем!

— Ладно, идите, — буркнул Олежек, сел на что-то там, за стойкой, отвернулся и уткнулся в телевизор.

Аня вытянула шею и на ходу успела заметить, что на маленьком чёрно-белом экране неподвижно торчит какая-то скучная картинка. И звука не было.

Зелёная Анна уже взбежала по четырём ступенькам, покрытым серым ковром, на просторную площадку, тоже всю застеленную ковром, только тёмно-вишневым. Оглянувшись, сказала: «За мной», — и свернула за угол. Аня побежала за ней, как и было велено.

И с разбегу влетела в распахнутые двери лифта. Она сначала даже не поняла, что это лифт. Это была почти комната! С узким диванчиком вдоль одной стены, с низким столиком — вдоль другой, с каким-то вьющимся цветком в горшке, висящем на третьей стене. И ещё над столиком висело большое зеркало. Вот какой это был лифтище.

— Тебе какой этаж? — спросила зелёная Анна, прицеливаясь пальцем в панель с кнопками. — А, да, ты же в седьмую... Значит — четвёртый.

Аня удивилась: почему четвёртый? Если на каждом этаже по четыре квартиры, то получается, что седьмая должна быть на втором... Но вслух свои сомнения высказать не успела. Двери лифта бесшумно сомкнулись, над ними что-то дзинькнуло стеклянным звуком, и лифт рванул вверх с такой скоростью, что Аня на миг подумала, что вот так она будет себя чувствовать, когда потолстеет килограммов на двадцать. Вадик называл её нечаянные ассоциации глубинными комплексами. Вадик когда-то серьёзно интересовался глубинными комплексами. Предполагалось, что Анины глубинные комплексы выдадут её с головой. Ему выдают.

Лифт так же круто, но плавно и по-прежнему бесшумно затормозил, двери с лёгким вздохом, в котором угадывались понимание и снисходительность, поплыли в стороны, и зелёная Анна быстро сказала:

— Налево, в конце, белая дверь, цепочка справа — это звонок. Не бойся ничего, ты-то уж точно понравишься.

Аня шагнула на лестничную площадку, оглянувшись, чтобы сказать «спасибо» и помахать на прощанье рукой. Но двери лифта уже сомкнулись, и он уехал. Наверное, уехал. Никакого скрипа блоков и скрежета канатов слышно не было.

И вообще очень тихо было. Нигде не пело радио, не галдел телевизор, не гудел пылесос, не лаяла собака, не лязгали люки му-